

© 2025. Джанолах Карими-Мотаххар,
Соруш Салими, Марзие Яхьяпур
Тегеранский университет г. Тегеран, Иран

**Рецепция западного мира
в русской и персидской литературе XIX–XX вв.: «Горе от ума»
А. С. Грибоедова и «Джафар-Хан приехал из Европы» Х. Могадама**

Аннотация: С целью анализа особенностей западноевропейского влияния на культуру России и Ирана XIX–XX вв. в статье сопоставляются комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова и «Джафар-хан приехал из Европы» Хасана Могадама. Пафос возвышения самобытной русской культуры пронизывает комедию Грибоедова. Благодаря межкультурным связям Ирана и России иранское литературное сообщество испытало влияние русской драматургии. Кроме того, в начале XX в., времени написания пьесы «Джафар-хан приехал из Европы», общественная обстановка в Иране напоминала российскую начала XIX в. Подобно Грибоедову Могадам приветствовал социально-политическое освобождение в своей стране и возражал против ее культурной вестернизации. В статье обнаруживается контактологическое и типологическое сходство между произведениями русского и иранского драматургов XIX и XX вв.

Ключевые слова: русская литература, иранская литература, вестернизация, А. С. Грибоедов, Хасан Могадам, комедия, «Горе от ума», «Джафар-хан приехал из Европы».

Информация об авторах: Джанолах Карими-Мотаххар, кандидат филологических наук, профессор, Тегеранский университет, площадь Енгелаб, ул. 16 Азара, 1417935840 Тегеран, Иран. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6072-5797>

E-mail: jkarimi@ut.ac.ir

Соруш Салими, Тегеранский университет, площадь Енгелаб, ул. 16 Азара, 1417935840 Тегеран, Иран. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4538-5501>

E-mail: sorush.salimi@ut.ac.ir

Марзие Яхьяпур, кандидат филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Тегеранский университет, площадь Енгелаб, ул. 16 Азара, 1417935840 Тегеран, Иран. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>

E-mail: myahya@ut.ac.ir

Дата поступления статьи в редакцию: 08.01.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 03.04.2025

Дата публикации статьи: 25.06.2025

Для цитирования: Карими-Мотаххар Дж., Салими С., Яхьяпур М. Рецепция западного мира в русской и персидской литературе XIX–XX вв.: «Горе от ума» А. С. Грибоедова и «Джафар-Хан приехал из Европы» Х. Могадама // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 102–117. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-102-117>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 102–117. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 102–117. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Janolah Karimi-Motahhar,
Soroush Salimi, Marzieh Yahyapour
University of Tehran Tehran, Iran

Reception of the Western World in Russian and Persian Literature of the 19th–20th Centuries: *Woe from Wit* by A. S. Griboyedov and *Jafar Khan Came from Europe* by H. Moghadam

Abstract: In order to analyze the peculiarities of Western European influence on the culture of Russia and Iran in the 19th–20th centuries, the article compares the comedies *Woe from Wit* by A. S. Griboyedov and *Jafar Khan Came from Europe* by Hasan Moghadam. The pathos of exalting the original Russian culture permeates Griboyedov's comedy. Thanks to the intercultural ties between Iran and Russia, the Iranian literary community was influenced by Russian drama. In addition, at the beginning of the 20th century, when the play *Jafar Khan Came from Europe* was written, the social situation in Iran resembled that of the early 19th century in Russia. Like Griboyedov, Moghadam welcomed the socio-political liberation in his country and objected to its cultural Westernization. The article reveals contactological and typological similarities between the works of Russian and Iranian playwrights of the 19th and 20th centuries.

Keywords: Russian literature, Persian literature, Westernization, A. S. Griboedov, Hasan Moghadam, comedy, *Woe from Wit*, *Jafar Khan Returned from Europe*.

Information about the authors:

Janolah Karimi-Motahhar, PhD of Philology, Professor, University of Tehran, Engelab Sq., 16 Azar Street, 1417935840 Tehran, Iran.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6072-5797>

E-mail: jkarimi@ut.ac.ir

Soroush Salimi, University of Tehran, Engelab Sq., 16 Azar Street, 1417935840 Tehran, Iran. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4538-5501>

E-mail: soroush.salimi@ut.ac.ir

Marzieh Yahyapour, PhD of Philology, Professor, Leading Research Fellow, University of Tehran, University of Tehran, Engelab Sq., 16 Azar Street, 1417935840 Tehran, Iran. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>

E-mail: myahya@ut.ac.ir

Received: January 20, 2025

Approved after reviewing: April 03, 2025

Published: June 25, 2025

For citation: Karimi-Motahhar, J., Salimi, S., and M. Yahyapour. "Reception of the Western World in Russian and Persian Literature of the 19th–20th Centuries: *Woe from Wit* by A. S. Griboyedov and *Jafar Khan Came from Europe* by H. Moghadam." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 2, 2025, pp. 102–117. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-102-117>

Очевиден факт воздействия социально-политической обстановки в той или иной стране на ее литературу; сходное общественное положение в разных странах обуславливает появление в них близких по идейно-художественным свойствам произведений. В данном исследовании мы опираемся на достижения советской компаративистики, разработавшей концепцию стадийного развития национальных литератур мира даже «при отсутствии связей между ними» [Конрад: 317]. Н. И. Конрад считал, что «в возникновении и развитии однородных литературных явлений у разных народов литературные связи могут играть определенную роль, но наличие связей для возникновения таких явлений вовсе не обязательно. Решающее условие возникновения однотипных литератур — вступление разных народов на одну и ту же ступень общественно-исторического и культурного развития и близость форм, в которых это развитие проявляется» [Конрад: 318].

В начале XIX в. в России появились общественно-политические и социокультурные движения («Беседа любителей русского слова», «Союз благоденствия» и др.), подготовившие восстание декабристов в 1825 г.; во многом аналогичные процессы протекали в Иране в начале XX в., что привело к конституционной революции 1905–1911 гг. Декабристские писатели, поэты и мыслители в России и поэты и писатели конституционной эпохи в Иране стремились к ограничению монархии государственным законом и для достижения этой цели считали необходимым повысить культурно-образовательный уровень общества и простого народа. Примечательно, что в обеих странах указанные писатели делали упор на культуризацию и теоретически выступали против вооруженной борьбы, хотя в итоге и декабристы в России, и конституционные революционеры в Иране пережили ее эскалацию. Однако авторы настоящего исследования обращаются лишь к культурной проблематике в рассматриваемых произведениях.

В ходе анализа социально-политической обстановки в России начала XIX в. и в Иране начала XX в., отраженной в комедиях А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1825) и Х. Могадама «Джафар-хан приехал из Европы» (1921), мы постараемся показать, как русский и иранский драматурги раскрывали тему рецепции Западного мира в своих странах.

Хотя и иранская, и русская драматургия в рассматриваемое время находились под влиянием Запада, следует отметить, что этому предшествовали длительные периоды самобытности. Например, творчество таких выдающихся поэтов, как Фирдоуси, Хафиз, Саади, свидетельствует о том, что иранская литература обладала собственной идентичностью. То же можно сказать о русской литературе допетровского времени; о подражательном характере русской культуры заговорили лишь в XVIII в. после радикальных западнических реформ Петра I.

В эпоху, предшествовавшую конституционной революции в Иране, драматургии в сегодняшнем виде в стране не существовало. Ее зачатки только возникали благодаря адаптациям европейских пьес, прежде всего Мольера: «...переводчики таких произведений, изменяя имена лиц и мест на иранские и используя характерные для иранской жизни реалии, приближали сюжеты к пониманию местных читателей и зрителей» [Сепаньлу: 201]¹.

В России Отечественная война 1812 г. с наполеоновской Францией оказала огромное влияние на общественно-политическую жизнь, пробудив одновременно дух вольнолюбия и патриотизма. «Декабристы гордились коллективным подвигом русского народа <...>. “Мы были дети 1812 года”, — говорил М. И. Муравьев-Апостол» [Орлов и др.: 6–7]. В результате «Россия оказалась подготовленной к разворачиванию борьбы с отжившими феодально-абсолютистскими учреждениями — с крепостным правом и самодержавием. Освободительное движение в России, связанное с декабристами, относится к эпохе буржуазной революционности и великих преобразований социального мира. Отсюда закономерность интереса передовой России к освободительной мысли западных стран, и, в частности, к французскому Просвещению, изучение конституций новых буржуазных государств, возрастающее внимание к литературе и философии Англии, Франции и Германии» [Базанов, Вацуро: 7]. Декабристские писатели принадлежали к высшим

¹ Здесь и далее в тексте перевод с персидского выполнен авторами статьи.

слоям общества; несмотря на некоторые разногласия во взглядах, все они «были в первую очередь людьми действия» [Орлов и др.: 28]. Тем не менее, П. И. Пестель предлагал «наперед Энциклопедию написать, а потом к Революции приступить». Члены тайных обществ, привычные к штабной работе, подчеркивали, что «порядок и формы» нужны для «успешнейшего действия» (слова С. П. Трубецкого) [см.: Орлов и др.: 28].

Что касается знакомства иранских писателей с русскими писателями-декабристами, то можно упомянуть Мирзу Фатали Ахундова, который, выучив русский язык, поехал служить на Кавказ. В то время Тбилиси был центром свобододолюбивых ссыльных, просвещенных лидеров декабристского движения. Общение с мыслящими людьми, знакомство с произведениями Н. М. Карамзина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, а также западноевропейских писателей, открыло Ахундову глаза на творившееся в России и других странах унижение национально-гражданских чувств [Оскуи: 125–126].

Закономерно, что для последующих иранских писателей и драматургов, испытавших на себе влияние Ахундова, в центре внимания оказались вопросы народности и гражданственности, первостепенные и для русских писателей-декабристов. Так, К. Ф. Рылеев провозгласил: «Я не Поэт, а Гражданин» [Рылеев: 186]. Такие движения, как декабризм в России и конституционная революция в Иране, нуждались в поддержке как можно большего числа людей, поэтому элитарные эстетические искания уходили на второй план, и язык литературных произведений стремился к простоте и понятности. Этому отвечала европейская комедийная традиция, обращенная к демократическому зрителю. Неудивительно, что Мирза Фатали Ахундов, Али Акбар Дехода, Мохаммед Али Джамал-Заде, Хасан Могадам и другие создавали свои произведения на комедийном языке, к тому времени выработанном в европейской литературе: с его помощью «...писатели могли <...> построить мост между простыми людьми и высокими идеалами» [Табатабаи Наини: 40].

Нужно отметить, что многие из писателей-декабристов были военными и поэтому органично воспринимали свое творческое слово как оружие в борьбе с социальной несправедливостью. «Представление о слове как оружии в высшей степени характерно для декабристов. Н. И. Гнедич, близкий, как известно, к декабристским кругам, сформу-

лировал эту идею очень четко уже в речи 1814 г.: “Язык человека есть оружие, сильнейшее огня и железа”. Несколько позднее в знаменитой речи 1821 г., направленной против преследователей Пушкина и, в частности, против речи В. Н. Каразина, Гнедич развил эту мысль: “Перо писателя может быть в руках его оружием более могущественным, более действительным, нежели меч в руке воина» [Базанов, Вацуро: 101–102].

В период борьбы за установление конституционализма в Иран с Кавказа стали приезжать иностранные любительские труппы с соответствующим репертуаром, которые обычно «состояли из армянских актеров мужского и женского пола, <...> игравших привезенные с собой пьесы на армянском языке и, возможно, переведенные на азербайджанский язык с участием местного населения» [Арианпур 2: 288].

Обратимся к комедиям «Горе от ума» и «Джафар-хан приехал из Европы». Оба произведения написаны демократическим комедийным языком. Главные герои — Чацкий и Джафар-хан — молодые люди, путешествовавшие по Западной Европе и испытавшие влияние ее обычаев, нравов, форм культурной жизни. Они вернулись в родные края, где желают реализовать свои свободололюбивые, прогрессивные идеи, но сталкиваются с охваченным невежеством и суевериями, реакционным обществом, которое называет их сумасшедшими и отвергает; в результате оба героя покидают родные места навсегда.

Западное влияние в России до 1812 г. было столь велико, что русский язык занимал в культурном обиходе более низкое положение, чем французский и немецкий, на нем преимущественно говорили низшие слои общества. Еще до декабристов к ним обратился Карамзин, включивший крестьянских персонажей в свои произведения; он первый провозгласил: «И крестьянки любить умеют» [Карамзин: 31]. У Грибоедова в «Горе от ума» отсутствует непосредственное изображение русского народа, однако глубоко и правдиво раскрыты существенные явления жизни, связанные с судьбой крестьянства. А ведь, по слову В. Г. Белинского, «в реализме всего более и состоит народность нашей литературы» [цит. по: Пиксанов: 301].

В социально-политическом плане Россия первой четверти XIX в. существенно отставала от Западной Европы с ее буржуазными демократиями и развитием капитализма. Декабристы стремились реформировать Россию в соответствии с передовыми западными идеями,

адаптированными к российским условиям, одновременно критикуя царившие на Западе социальное неравенство и эксплуатацию трудящихся. «Хотя декабризм возник на российской национальной почве и программные требования декабристов отражали коренные исторические задачи, поставленные в то время объективными условиями перехода России от феодализма к капитализму, однако в своих программных документах декабристы использовали и теоретическую мысль, правотворчество, опыт конституционного устройства стран Европы и Америки. <...> Изучение западноевропейского опыта отнюдь не мешало декабристам критически относиться к политическим порядкам Запада» [Федоров: 48]. То же самое можно сказать о культурных деятелях конституционной революции начала XX в. в Иране: в целом принимая западную культуру и вестернизацию, они критиковали те ее аспекты, которые подавляли иранскую самобытность.

К. Н. Батюшков еще до Отечественной войны 1812 г. высмеял слепое подражание Западу в очерке «Прогулка по Москве» (1811), влияние которого ощутимо в комедии «Горе от ума». Между этими произведениями много общего. Батюшков рисует «допожарную», т. е. по сути «фамусовскую» Москву в трех планах: как средоточие русского национального начала, как картину социальных и внутрисословных контрастов (обнищавшее старинное дворянство и столичное вельможество) и как карикатуру на помещичье-чиновное барство, прогуливающееся в положенные часы по Тверскому бульвару (грибоедовский Чацкий вскоре раскритикует именно эти «бульварные лица») [см.: Медведева: 53].

Подобная ситуация наблюдалась и в Иране: Ахундов еще до Хасана Могадама создал героя, похожего на Чацкого, — в комедии «Молла Ибрагим-Халил, алхимик, обладатель философского камня» (1850). В этой пьесе поэт Гаджи-Нури, будучи «человеком знаний, оптимизма и надежды на будущее своего народа» [Арианпур 1: 352], одновременно напоминает Альцеста из «Мизантропа» Мольера и Чацкого из «Горя от ума» Грибоедова.

В комедиях «Горе от ума» и «Джафар-хан приехал из Европы» мы сталкиваемся с противостоянием старого и нового поколений. Старое захвачено традиционной рутинной; новое — объездив западные страны — стремится внедрить на родине иностранные порядки, более прогрессивные с его точки зрения. У Грибоедова это противостояние Фа-

мусова и Чацкого, которое Фамусов характеризует так: «Он вольность хочет проповедать!» [Грибоедов: 39]. У Могадама сторонником традиций и суеверий, которыми было поражено иранское общество начала XX в., является дядя Джафар-хана. Сам молодой Джафар-хан — такой же свободолюбец и сторонник обновления, как Чацкий. Различие между главными героями обеих комедий в следующем.

Во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. русское общество страдало от наносной, поверхностной вестернизации, до Грибоедова уже описанной Д. И. Фонвизиним в комедии «Недоросль» (1781). Но хотя Чацкий путешествовал по миру и вернулся из-за границы, по сути своей он более русский, чем большинство героев «Горе от ума». Из Европы он принес с собой не просто подражание, а свободомыслие и лучшие плоды европейской науки и культуры. Однако в «Джафар-хане...» ситуация другая.

Если у Грибоедова двойственный характер вестернизации разнесен по героям: положительный манифестирован Чацким, отрицательный — Фамусовым и его гостями, то у Могадама сам возвратившийся путешественник Джафар-хан — носитель обоих проявлений. Иранский социум, по сравнению с российским, был вестернизирован намного меньше; отвергая, подобно «фамусовскому обществу», передовые европейские идеи, одновременно он ценностно противостоял поверхностно-подражательной европеизации молодого Джафар-хана.

Кроме того, в обоих произведениях важна тема положения и роли женщины в обществе. В «Горе от ума» Софья — героиня, внешне и поверхностно усвоившая некоторые черты европейской культуры: чтение французских романов, мечтательность, сентиментальность, стремление к свободе чувств, независимости от старших. В «Джафар-хане...» отношение к женщине можно понять по словам матери героя: «...я бы женила сына. Вокруг него я бы увидела семь-восемь детей, бегающих, кричащих, шумящих, это самое мое большое желание, тогда бы я могла спокойно умереть. Зинат неплохая, мне подходит. Она может помогать по дому, чистить овощи, латать вещи, гладить, читать Коран» [Могадам: 18]. Софья и Зинат — девушки, интересующие главных героев обеих комедий, — не обладают характеристиками самостоятельной личности.

В «Джафар-хане...» показателен диалог матери и сына о Зинат. Мать просит Джафара тепло отнестись к девушке, которую она для него со-

сватала. Сын недоволен тем, что его лишают свободы выбора: «Я же-
нюсь на ней — для чего?». Мать в ответ рисует картину патриархально-
го брака: жена нужна, «...чтобы родить детей, заниматься домашним
хозяйством, наводить красоту для своего мужа» [Могадам: 30].

Сходные мысли о роли женщины в России начала XIX в. высказы-
вает И. А. Гончаров в статье «Милльон терзаний» (1872), посвященной
анализу «Горя от ума». Рассуждая о Софье Фамусовой, он отмечает, что
современные ей «женщины учились только воображать и чувствовать
и не учились мыслить и знать. Мысль безмолвствовала, говорили одни
инстинкты» [Гончаров: 26].

Общей в обоих произведениях является и проблема чинопочита-
ния. И Чацкий, и Джафар-хан вернулись из Западной Европы на роди-
ну с идеями свободы и равенства между людьми, уважения к личным
достоинствам человека, а не к служебному положению или богатству.
Но оба сталкиваются с реакционным обществом, которое не желает
ничего менять.

Дома новы, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары, —
[Грибоедов: 47].

сетует Чацкий, с самого начала вступающий в бескомпромиссную
борьбу с консерватизмом и предвзятостью, протекционизмом и сно-
бизмом, безнадежным дилетантизмом на службе, нравственной не-
чистоплотностью, лицемерием и сплетнями. Напротив, Джафар-хан,
9 лет проучившийся в Европе, желает в Тегеране «... работать в учреж-
дении, <...> искать *carrière*, чтобы достичь чего-то» [Могадам: 64], т. е.
приспособиться к устаревшим обычаям и суевериям, не высказывая
прямо обид и недовольства. Он надеется что-то изменить, лишь когда
достигнет высокого положения на службе.

Чацкий предельно откровенен в обличении старых порядков:

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;

Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где? укажите нам, отчества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
[Грибоедов: 48].

И продолжает:

Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
[Грибоедов: 49].

Джафар-хан в сходной ситуации выбирает иную стратегию: «...Хорошо, к этим первым двум дням следует относиться в соответствии с их желаниями. Затем постепенно проучим их. Дипломатия Talleyrand была такой же» [Могадам: 57]. Подобное поведение иранского литературного героя связано, по-видимому, с устойчивой традицией, пришедшей еще из средних веков. Е. Л. Никитенко рассматривает представления о человеческом достоинстве в культуре персоязычного мира и отмечает: «...достоинство человека не воспринимается как нечто самоочевидное. Понятие достоинства, ценности того или иного индивида оказывается тесно связанным с такими понятиями, как престиж и авторитет, которые, в свою очередь, зависят от репутации, доброго имени. Достоинство человека не является величиной постоянной: собственное достоинство, или престиж, следует постоянно оберегать и защищать от посягательств, доказывая окружающим, что ты заслуживаешь свой статус и их уважительное отношение» [Никитенко: 79].

Фамусов по ходу пьесы внушает Чацкому, что достижение чина, звания и богатства важнее всего в жизни; он готов выдать единственную дочь замуж за Скалозуба, мечтающего стать генералом, чтобы увеличить свое богатство и повысить статус. Джафар-хану его иранский дядя транслирует те же ценности: «...при устройстве на службу Вам нужна поддержка, посредничество влиятельного человека. Однажды

рано утром Вы наденете халат, пойдете в дом к министру, поклонитесь, произнесете несколько льстивых слов вроде “ваше превосходительство” и наконец перейдете к своей просьбе. Иногда кстати употребить слова “родина” и “конституционализм”. Но слишком много умных слов использовать не стоит. Если министр спросит Вас, в какой области вы обладаете знаниями, ответьте ему так: “Ваше превосходительство, для Вашего покорного слуги иметь знания — чрезмерное любопытство”» [Могадам: 64–65].

Чацкий представляет собой поколение, которое начало новую эпоху. А. И. Герцен писал: «Образ Чацкого, печального, неприкаянного в своей иронии, трепещущего от негодования и преданного мечтательному идеалу, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне восстания на Исаакиевской площади. Это — декабрист, это — человек, который завершает эпоху Петра I и силится разглядеть, по крайней мере на горизонте, обетованную землю... которой он не увидит» [цит. по: Медведева: 42]. Такой подход можно считать верным и в отношении Джафар-хана. Дядя призывает вернувшегося племянника вновь «привыкнуть к иранским обычаям»: «есть руками», «очищать рот троекратным ополаскиванием после питья», «спать на полу», постоянно ходить в шляпе, пренебрегая гигиеной [Могадам: 46]. Замечено, что «попытка устранения суеверий проникла вместе с конституционализмом и в персидскую прозу и поэзию, где авторы часто используют юмор как эффективное оружие» [Шафии-Кадкани: 63]. Так, Джафар-хану помешало утолить жажду чихание одного из гостей, считавшееся плохой приметой: «Когда кто-то чихнет, надо подождать, а то, не дай Бог, с человеком случится что-то плохое... например, поперхнется водой, или не переварит еду, или (он чихает) апчхи! апчхи!» А после второго чихания, оказывается, «можно смело пить» [Могадам: 59].

К Европе и к подражанию западной культуре дядя Джафар-хана относится скептически. В ответ на слова племянника о необходимости работать, как европейцы, для достижения прогресса, он рассуждает следующим образом: «Существовала ли Европа в эпоху Соломона, или богадельня, или, как Вы говорите, *ouniversité* и *institut* Pastor? Люди тогда жили с полным комфортом. Вот вы построили эту богадельню, и поэтому мы сейчас настолько беспомощны. Дорогой, позвольте мне сказать, что эта имитация Европы нам совершенно не помогает» [Мо-

гадам: 45].

Как видим, «фамусовское общество» в России гораздо более европеизировано: по наблюдению Чацкого, любой француз в Москве чувствует себя как дома:

В той комнате незначущая встреча:
Французик из Бордо, насаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча,
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. Посмотришь, вечером
Он чувствует себя здесь маленьким царьком
[Грибоедов: 95–96].

Общей чертой дяди Джафар-хана, не знакомого с Европой, и Фамусова, затронутого поверхностной вестернизацией, является противодействие чтению и приобретению знаний. Так, Фамусов находит причину сумасшествия Чацкого (слух о котором был пущен Софьей) в книгах и учении:

Учение — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений
[Грибоедов: 92].

Похожий пример можно встретить в комедии Могадама. Мать спрашивает Джафар-хана, что за книгу он читает, при этом одобряя только мусульманский молитвенник. Узнав, что это пьесы Мольера, называет сына клоуном, а европейский театр — позором. Дядя противопоставляет ему иранский национальный «кукольный театр, заклинание змей». Он считает, что «ехать в Европу и есть свинину — это не повод бросать все то хорошее, что у нас есть» [Могадам: 70].

Здесь, наряду с некоторой косностью в соблюдении вековых нацио-

нальных традиций, нельзя не отметить позитивной близости с комедией Грибоедова, где Чацкий, ратуя за самобытность русской национальной культуры, мечтает о том,

Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражания;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад —
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев
[Грибоедов: 96].

В конце концов и Чацкий, и Джафар-хан не смогли вынести патриархального окружения; оба с недовольством и гневом навсегда покинули родные места. Джафар-хан так аттестует своих домашних: «Какие они звери! <...> Если я останусь среди них еще на час, то обязательно лопну...» [Могадам: 73]. Гончаров не случайно выбрал название «Миллион терзаний» для своей статьи о комедии Грибоедова — ведь «Чацкому досталось выпить до дна горькую чашу — не найдя ни в ком “сочувствия живого”, и уехать, увозя с собой только “миллион терзаний”»

[Гончаров: 14].

Близки по эмоциональности и смыслу слова обоих героев перед отъездом. Так, Чацкий возмущается:

Вон из Москвы! сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок! —
Карету мне, карету!
[Грибоедов: 122].

Джафар-хан также гневается:

Мы отказались от министерства <...>, от адвокатуры, мы также отказались от дрожек и автомобиля. Мы вернемся к нашим неверным, чтобы есть свинину и оливковое масло. Эта страна нам не подходит [Могадам: 75].

После того, как Чацкий и Джафар-хан покидают сцену, остальные персонажи продолжают заниматься своими повседневными делами, как будто ничего важного не произошло. «Горе от ума» заканчивается фразой Фамусова:

Ах! Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!
[Грибоедов: 122].

Комедия «Джафар-хан...» завершается фразой воспитателя главного героя Машхади Акбара, также свидетельствующей о силе патриархальных традиций: «У нас будет Гормэ сабзи на ужин, сударь, Гормэ сабзи!» [Могадам: 77].

Таким образом, в результате сравнительного анализа комедий «Горе от ума» и «Джафар-хан приехал из Европы» можно прийти к выводу об их контактологическом (в силу влияния русской литературы на иранскую в течение XIX в.) и типологическом (обусловленном общностью социально-политической обстановки в России начала XIX в. и в Иране начала XX в.) сходстве. В основе сюжетов — противопоставленность

¹ Иранское национальное блюдо.

старого и нового поколений, которая выполняет практически одинаковую идейно-художественную функцию с учетом культурных особенностей обеих стран.

У Грибоедова «фамусовское общество» уже поверхностно симитировало западную культуру, а общество дяди Джафар-хана остается всецело традиционным и не воспринимает западноевропейских черт. Чацкого Грибоедов считает обладателем подлинно европейского ума и показывает вполне положительным героем, протестующим против низкопоклонства перед Европой и отстаивающим русскую самобытность. В свою очередь Могадам одобряет Джафар-хана за его стремление к прогрессу в западном понимании и одновременное желание служить своей родине, но в то же время порицает за ряд черт, некритически воспринятых из европейской культуры. Но если Грибоедов как автор полностью согласен с Чацким в его противостоянии «фамусовскому обществу», то Хасан Могадам скорее отстраняется от обоих изображенных им мировоззрений — самого Джафар-хана и традиционного иранского социума.

Список литературы

Источники

- Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 8. 576 с.
Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: в 3 т. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1. 351 с.
Карамзин Н. М. Бедная лиза. М.: Дет. лит., 2010. 176 с.
Могадам Х. Джафар-хан приехал из Европы: комедия в 1 действии. Тегеран: Садэ, 2020. 84 с. (На персидском)
Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1971. 480 с.

Исследования

- Арианпур Я. От Сабы до Нимы: в 3 т. Тегеран: Франклин, 1973. Т. 1, 2. 422 с.; 540 с.
Базанов В. Г., Вацуро В. Э. Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975. 400 с.
Конрад Н. И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972. 494 с.
Медведева И. Н. «Горе от ума» А. С. Грибоедова. М.: Худож. лит., 1971. 208 с.
Никитенко Е. Л. «Плоды подлости и низости»: персидские тексты раннего Нового времени о необходимости отстаивать собственное достоинство // Шаги / Steps. 2018. Т. 4. № 1. С. 77–92.
Орлов В. Н. и др. Поэты-декабристы. Л.: Сов. писатель, 1960. 439 с.
Оскуи М. Исторический процесс иранского театра. Тегеран: Анахита Оскуи,

1999. 1040 с.

Пиксанов Н. К. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Грибоедов А. С. Горе от ума. М.: Наука, 1987. С. 280–387.

Сепаньлу М. Передовые писатели Ирана. Тегеран: Негах, 1995. 310 с.

Табатабаи Наини М. Р. Газета театра. Тегеран: Чешме, 1987. 155 с.

Федоров В. А. Декабристы и их время. М.: МГУ, 1992. 272 с.

Шафии-Кадкани М. Р. С фонарем и зеркалом. Тегеран: Сохан, 2019. 768 с.

References

Arianpur, Ia. *Ot Saby do Nimy: v 3 t. [From Saba to Nima: in 3 vols.]*, vol. 1, 2. Tehran, Franklin Publ., 1973. 422 p.; 540 p. (In Persian)

Bazanov, V. G., and V. E. Vatsuro. *Literaturnoe nasledie dekabristov [Literary Heritage of the Decembrists]*. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 400 p. (In Persian)

Konrad, N. I. *Zapad i Vostok [West and East]*. Moscow, Nauka Publ., 1972. 494 p. (In Russ.)

Medvedeva, I. N. “Gore ot uma” A. S. Griboedova [“Woe from Wit” by A. S. Griboyedov]. Moscow, Khudozestvennaia literatura Publ., 1971. 208 p. (In Russ.)

Nikitenko, E. L. “‘Plody podlosti i nizosti’: persidskie teksty rannego Novogo vremeni o neobkhodimosti otstaivat’ sobstvennoe dostoinstvo” [“‘The Fruits of Meanness and Baseness’: Persian Texts of the Early Modern Period on the Need to Defend One’s Own Dignity”]. *Shagi / Steps*, vol. 4, no. 1, 2018, pp. 77–92. (In Russ.)

Orlov, V. N. *Poety-dekabristy [Poets-Decembrists]*. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1960. 439 p. (In Russ.)

Oskui, M. *Istoricheskii protsess iranskogo teatra [Historical Process of the Iranian Theater]*. Tehran, Anakhita Oskui Publ., 1999. 1040 p. (In Persian)

Piksanov, N. K. “Komediia A. S. Griboedova ‘Gore ot uma.’” [“Comedy by A. S. Griboyedov ‘Woe from Wit.’”] Griboedov, A. S. *Gore ot uma [Woe from Wit]*. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 280–387. (In Russ.)

Sepan’lu, M. *Peredovye pisateli Irana [Advanced Writers of Iran]*. Tehran, Negakh Publ., 1995. 310 p. (In Persian)

Tabatabai Naini, M. R. *Gazeta teatra [Theater Newspaper]*. Tehran, Cheshme Publ., 1987. 155 p. (In Persian)

Fedorov, V. A. *Dekabristy i ikh vremia [Decembrists and Their Time]*. Moscow, Moscow State University Publ., 1992. 272 p. (In Russ.)

Shafii-Kadkani, M. R. *S fonarem i zerkalom [With a Lantern and a Mirror]*. Tehran, Sokhan Publ., 2019. 768 p. (In Persian)